

Бурлаков Геннадий

Цикл "Отшельники"

Том 5

Хозяйка Преисподней

Серия романов

"Архипелаг Монте Кристи"

Геннадий Анатольевич Бурлаков

Хозяйка Преисподней.

Цикл «Отшельники». Том 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48536605

SelfPub; 2019

Аннотация

Земля. Проблемы никуда не деваются, решаются спонтанно, хотя и выглядят решенными в плановом порядке. Появляется новый герой, – такой силы, что даже мне самому становится страшно от этой силы. Появление такого героя в наши дни объяснимо и своевременно. С некоторыми оговорками. Судьбы людей, судьбы народов, стран, планет... Они связаны воедино со своими героями и моим героем. Ну, и есть во всем этом сказка, – само собой, – светлая Сказка! В книге рассматриваются далеко не детские вопросы мироздания, человеческого социума. Используются фото, коллажи и стихи автора.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Обращение к читателю	4
Эпиграф	8
Предисловие	10
Вступление	14
Далекое прошлое	18
За щитом и под щитом	23
Из личного дела Отряда	32
Одна из вершин	36
Задание	40
Пустыня	43
Кулон	50
Цыганский барон	57
Пери	64
Шеврон	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Обращение к читателю

Предлагаю Вашему вниманию серию романов «Архипелаг Монте Кристи»:

I. Трилогия «Материализация легенды»:

1. Островитянка.
2. Отряд.
3. Гвардия Принцессы.

II. Цикл романов «Постскрипtum легенды»:

1. Легенды далёкого Острова.

III. Цикл романов «Отшельники»:

1. Святой и грешный.
2. Баронесса Z.
3. Код ИсИн.
4. Легион драконов. Начало.
5. Хозяйка Преисподней.

Цикл «Постскрипtum легенды» только в самом начале, цикл «Отшельники» разрастается! Жду развития сюжета у меня в голове.

А серия романов «Архипелаг Монте Кристи» продолжа-

ется! Готовятся и новые циклы. Пока тоже у меня в голове, но и частично в «облаке».

Лично я не теряю надежды на продолжение и развитие серии романов «Архипелаг Монте Кристи». Каждый раз здесь появляется новый сюжет, новые мои идеи...

Огромная благодарность моему давнему близкому другу Коляде Александру Александровичу. За его консультации по различным вопросам, и правку глав с техническими и

языковыми вопросами, которые в этом нуждались на протяжении создания всей серии. И за постоянную поддержку во всех вопросах при создании моих романов. За помощь в генерации ряда идей и даже названий.

Огромное спасибо за техническую поддержку Евсееву Артуру, который помогал мне на всём этапе написания этой и ряда прошлых книг, и будет помогать и дальше.

Эпиграф

Портьера отброшена. Какофония звуков ударила в уши.
Табачного дыма и дымка конопли стоит плотный туман.
Здесь душ не спасают, не рвут, – здесь калечат души.
Механической лаской суррогатами чувств в ползущий
дурман.

И ангелы бл@дские, и строгаши в различных погонах,
Сплошь в дырявых и в ажурных чулках роковые девицы,
Монашки без юбок, медсестры с глазами сонными,
И длинный мундштук, и веер в руке светской львицы.

Порог переступишь – услышишь и хохот, и стоны,
И кто-то ругается, кровати скрипят размеренно.
Здесь Богу молились, но он не послал Купидона,
Здесь хочется пить, а плескают вином и семенем.

А музыка словно варится в мертвенно клейком дыме, -
Не от котлов ли адовых валит и душит чад?
Зайки-ушки на сцене. Хор отборных чертей отныне
Будут преследовать, улюлюкая, не пускать назад.

Зажавшись в комок, задыхаясь от дыма и звуков,

С тошнотой на заек и ангелов молча смотрю...
Голые тела, свечи, портьеры, двери, руки...
Рвануть бы "стоп-кран"! Но я в этом мире живу.

09.12.2015.

Предисловие

(Одно из логических продолжений трилогии «Материализация легенды». Примечание автора.)

Всё было бы ничего, но...

Я покинула Землю в самый неподходящий для меня момент. Мои родители вложили в меня все свои лучшие силы и эмоции. Они пестовали меня, холили, а я...

Я пообещала отцу, что выполню задание руководства, назначенное мне в качестве выпускного экзамена в специальном учебном заведении подготовки особо секретных агентов. Экстрагентов, если так можно сказать. По выполнению и прибытию я должна была получить диплом и офицерское звание: младший лейтенант или лейтенант, – в зависимости от результатов.

Но по всем правилам, выполненным заданием считается тогда, когда ты написал отчет о его выполнении. Так нам преподавали все время обучения. А я письменный отчет не подавала, – только сообщения и отчеты об этапах задания пересылала.

Теперь я сидела в кабинете отца, – его не было дома, когда я прибыла, – и пыталась сосредоточиться на тех событиях,

которые по земным меркам произошли несколько лет назад, а для меня в бурных релятивистских законах отодвинулись на столетия и тысячелетия.

Я не чувствовала себя виноватой перед своими друзьями, что исчезла для них так неожиданно. Я собиралась когда-то вернуться, потому и не считала это дезертирством. Для меня исчезновение не было неожиданностью, потому что я сначала откладывала это под воздействием эмоций и восхищения от тех дел, которыми приходилось заниматься. Потом смотрела на своих друзей и успокаивала себя тем, что я всё равно вернусь в свое время и успею предупредить своих родителей. Потом влюбилась... и тоже оттягивала свой отъезд.

Как-то так получилось, но вот сам момент для исчезновения выбрала спонтанно и неожиданно для себя. Вот так подошла к капсуле анабиоза и решила в нее на этот раз не ложиться. Не просто не ложиться, а провести это же количество лет рядом с родителями, пока они живы.

Решила не брать с собой ничего, чтобы меня не вычислили по инверсионному следу. Только мой браслет. Да и не собиралась я что-то делать на Земле. Зачем? Вся эта «мышинная возня» была для меня так далека, что не казалась первостепенно важной и вообще имевшей смысл. Особенно на фоне того, чем я последнее время занималась.

Я бы просто побыла с родителями ряд лет, просто была бы той пай-девочкой, которой так хотела быть всё своё детство,

порадовала бы их своим примерным поведением... Ведь даже будучи взрослой девушкой, я всё равно оставалась бы для своих родителей ребенком, который радует глаз, требует заботы.

По прибытии я первым делом подошла к рабочему столу отца и... Потом расстреляла в подземном тире по несколько обойм из разных стволов арсенала отца, – просто для того, чтобы «выпустить пар» от обиды, что не успела вовремя, да и чтобы попутно восстановить навыки стрельбы, из обычного земного стрелкового оружия. Результат меня удовлетворил, – навыки не растеряны.

В любом случае мне надо было садиться за отчет, а лучшего места, чем его рабочий стол во всём доме не было. Конечно, я сначала повалялась на диване в том же кабинете, – сначала рыдала, потом просто лежала в полной прострации, потом даже заснула. Сначала во сне я видела «Рею», а потом после просыпания и просто перед глазами проходили те события, активным участником которых я была в хвойном лесу Клиники. Лица новых подруг и друзей, нашего командира, нашего высшего руководства, с кем приходилось общаться. Гонки, прыжки с парашютом, подводные атаки, пирушки всей командой, командировки в город со взрывами и стрельбой... Были и воспоминания, не подлежащие внесению в отчет, как супер-подлодка, архипелаг и другие.

Я включила и настроила свой браслет таким образом, чтобы он работал только на анонимный приём сообщений. И почти сразу на экране коммуникатора, который невозможно отследить во времени и пространстве, появилось послание. «Встречаемся на Архипелаге Монте Кристи на 25-й день рождения Кристины. Есть интересное совместное дело.» И всё? Больше ни слова? Учитывая, что из любой точки космоса и из любого времени можно выйти туда, где тебе надо, – тоже в любую точку времени и пространства, – то можно не торопиться. Можно столетия развлекаться или работать на какой-то планете миллиарды лет назад или сотни тысяч лет вперёд от назначенного времени randevu, но выйти точно или с погрешностью в несколько секунд и сразу принять участие в празднике или битве. А уж в пределах Земли, – вообще не проблема. И всегда прибудешь вовремя. Вот в школу деткам бы так было в прошлом ходить, – цены бы не было таким перемещениям.

Но и без прыжков во времени у меня осталось достаточно времени до этой встречи.

Сидя за столом, я опять долго смотрела на фото матери в траурной рамке, которое стояло на столе отца, поплакала всласть, потом положила голову на руку, чтобы просто не смотреть перед собой. Мне не хотелось убирать фото, а смотреть на него больше не было сил. И, кажется, заснула...

Вступление

– Что там? Кто там?

Райнер стоял перед домом и смотрел вокруг. Вроде бы ничего не изменилось. Но ощущение, что появились признаки нестабильности в окружающем его пространстве, что появился кто-то еще, его не покидали.

На лужайке перед домом не было никаких следов. Искусственно выращенная трава нигде не примялась, цветы не сорваны, не поломаны. Следов на песке на подступах к дому нет. Наливающиеся грозди винограда на беседке в глубине двора не потревожены. Фрукты с деревьев на траве не тронуты.

Собаку он не держал. Длительные, порой, командировки, месяцы на полигонах и сборах, учебные тревоги и прочие особенности жизни военного не давали возможность держать рядом с собой ни собаку, ни кота, ни рыбок. Подъем по тревоге и сразу же отъезд с «тревожным» ранцем не оставляли домашним животным никаких шансов. Никакие соседи не должны были знать ни о сроках его пребывания дома, ни о длительности его отлучек. Потому посмотреть на реакцию своей собаки на измененную домашнюю обстановку он тоже не мог.

Он прошел вдоль фасада дома. Замаскированные мет-

ки-маркеры на двери и окнах были не тронуты. Значит, тут никто не открывал, – или досконально знал о маркерах и вернул их назад, что в принципе нереально. Никто не пытался спуститься к входу в подвал, – натянутый поперек ступеньки тончайший волосок не провис. Система наблюдения действовала исправно, судя по тому, как камеры слежения поворачивались за его движениями, передавали его друг другу. Да и сигналы в случае несанкционированного нарушения периметра дома обязательно поступили бы на его мобильный.

Полковник Райнер Огер открыл ключом входную дверь, приложил палец к дактилоскопическому датчику и вошел внутрь. Закрыв за собой дверь, подошел к первичному пульту охраны в прихожей, обозначил себя введением цифрового кода и сканированием сетчатки, после чего прошел дальше в коридор. В платяном шкафу за висящим плащом был еще один пульт охраны. На нем не было сигнала тревоги или постороннего присутствия, однако горел индикатор того, что кто-то находится в кабинете-оружейной. Маленький диод электронной цепи, реагирующей на показания масс метра и индикаторов движения в помещении, о котором знать никто не мог ни при каких обстоятельствах. Об этом секретном комплексе помещений знали только умершая жена и пропавшая без вести дочь. Больше никто по определению этого не знал, да и маскировка его периметра там была идеальной. Однако, диод неоспоримо светился своим красноватым цветом, и от этого никуда не спрячешься, не отвернешься.

Включив тумблер максимальной защиты дома и подтвердив своё решение, приложив к сканеру свою ладонь, Райнер расстегнул кобуру, вынул свой пистолет (SIG Sauer P320 Carry Tascops), – тяжеловата, но для мужчины хороша, – тихо щелкнул предохранителем и положил его опять в не застёгнутую кобуру.

Кабинет-оружейная – это особенное помещение, спроектированное им еще во время строительства дома, – находится на «минус-втором» этаже дома. Подвал под подвалом. Имелось несколько независимых входов и выходов, идеальная система вентиляции и кондиционирования, большие сейфы для хранения оружия и различных военных запасов, некоторый запас пищи и воды на случай длительного безвыходного нахождения там. Изначально проектировалась как оружейная, однако потом дополнилась кабинетом, т. к. ему там было приятно и комфортно работать с бумагами, и имелся отдельный скрытый выход в подземный тир, где он мог отдохнуть от писанины и «выпустить пар» на тренажере или при стрельбе по мишеням в тире.

Дверь в кабинет была слегка приоткрыта, в неширокую щель была видна фигура, – не сидящая, а лежащая головой на столе. Точнее, голова лежала на предплечье подогнутой руки, в ладони которой был зажат такой же пистолет, как и в его кобуре. Другая рука была свободна и протянута по поверхности стола. Были видны равномерные движения грудной клетки глубоко спящего человека.

Райнер тихо и осторожно подошел, заглянул в лицо посетителя, и... Этого не может быть! Он осторожно погрузился в мягкое кресло рядом и откинулся на спинку, закрыв глаза.
ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!...

Далекое прошлое

... На экране, судя по сохранившимся записям на камерах слежения Клиники, людей в мохнатых одеждах от новогоднего костра выхватывают «черные маски» и тащат куда-то в помещения и темноту. Потом эти помещения все взрываются, долго и упорно горят.

– Вчера на филиал известной в нашей стране зарубежной клиники было совершено беспрецедентное нападение, – вещали по всем каналам. Демонстрировались ужасающие кадры съемок со всех ракурсов дымящихся развалин около главного здания Клиники, выбитые взрывом стекла в офисном здании, разрушенные системы спутниковых антенн и трупы неизвестных нам сильно обгоревших людей в мохнатой одежде. – Неизвестные в масках и полном вооружении хватили всех подряд во дворах и помещениях Клиники и сводили их в центральную лабораторию. По непонятным причинам лаборатория была ими взорвана, и сгорела до основания. Трудно сказать, кто и почему напал на мирное медицинское учреждение. Пропала, – скорее всего, погибла, – руководитель клиники, которая праздновала Новый год в кругу своих сотрудников. Это было видно по архиву съемок в то утро и накануне. Оставшееся в живых руководство клиники не может дать ответ, кто бы это мог быть, нападавшие им то-

же неизвестны. Они не попали ни в кадры следящих систем, оставшихся уцелевшими после взрывов и пожаров, ни в зону съемки со спутников. У правоохранительных органов мы не получили никаких комментариев, кроме дежурных фраз, что следствие ведется и возбуждено уголовное дело по...

Полковник Райнер Огер снова и снова долгое время просматривал ранее вынутые из сейфа бумажные и видеозаписи.

– Привет, Папа, – сказала Ханна, просыпаясь и поднимая заспанное лицо от руки, лежащей на столе. – Как ты тут живёшь?

На ее лице явственно отпечатался след от руки, на которой она только что лежала щекой. Глаза были со следами слез, размазанными по щекам. И не удивительно. Перед ней стояло фото её матери – жены полковника, – с черной лентой на уголке. Слов для объяснения было не надо. Рядом стояла открытая шкатулка, а рядом лежал вынутый оттуда именной браслет. Точнее то, что от того браслета осталось в бешеном огне пожара. То, по чему разведывательная служба опознала своего сотрудника, работавшего под прикрытием в Клинике. Опознало место гибели, но от тела для опознания не осталось ничего.

– Нормально живу... Хотя, как нормально?... – он окинул глазами кабинет, остановился взглядом на фото и шкатулке. – Ты зашла в кабинет через тир? – и увидел, как она

кивнула.

– Пап, я выполнила задание, как и обещала тебе. Трудно было, но я выполнила.

– Я знаю Ханна, знаю. Пистолет положи на стол, – ты дома, и он тебе не нужен.

– Хорошо, Папа, – Ханна положила на стол пистолет, который совершенно непонятно почему до сих пор держала в руке. Даже обнимая отца, она до сих пор не выпустила его из руки. А теперь удивленно рассматривала его. – Значит, вы получили мои отчеты?

– Получили, доченька, получили. Мы всё получили, даже то, что ты отправила непосредственно перед взрывом, – значит, Олег был прав, настаивая тогда на отправке подробного отчета перед исчезновением Отряда. – Но давай об этом потом.

– Хорошо, Папа. Можешь рассказать, как умерла Мама?

– Просто умерла. Через месяц после того, как мы получили известие о твоей гибели. Врачи сказали, что не выдержало сердце.

– Пап, я не могла вернуться сразу. Прости...

– Не надо извиняться, доченька. Я ничего не знаю, но не обвиняю тебя. Мы с тобой выбрали такой путь для себя сами, мама нас поддерживала и понимала, и никто не виноват в смерти нашей Мама.

– Пап, а ты...

– Я ждал тебя. Я всё это время ждал тебя.

Ханна прижалась к груди отца и молча плакала. Ей было больно понимать, что она послужила косвенной причиной смерти Мамы, что столько времени страдал от горя ее Отец, что она не могла сообщить им, что жива. Это было просто невозможно. Но отец правильно сказал, что они каждый выбрали этот путь для себя сами. И никто не виноват. Но от этого не становилось менее больно.

– Папа. Я начала писать отчет о выполненном задании, но у меня очень много вопросов.

– Я помогу тебе, если ты согласишься.

– Конечно, Папа, я согласна...

Теперь вместе с дочерью они просматривали и изучали все эти материалы.

Уничтожить «Тень» было невозможно в принципе, но и оставить без наблюдения столь огромный преступный синдикат было тоже нельзя. Потому агенты внедрялись в различные подразделения, предоставляли своему руководству различную информацию.

Одним из таких агентов была и Ханна, – Хозяйка, сержант, второй командир Отряда Клиники. В прошлом. Кажется, вообще в другой жизни...

И рассказать даже отцу о том, какая на самом деле была и стала её роль в этом деле, она не могла. В лучшем случае отец ее просто не понял бы, в худшем – отправил бы в пси-

хиатрическую клинику.

– Дочка, для тебя есть новое задание.

– Но я еще даже не была у своего начальства, а только передала через тебя отчет.

– Это уже не важно. Тебя передали под мое командование, и потому отчитываться теперь ты должна только мне. Кстати, за выполнение прошлого задания ты представлена к высокой награде, и тебе присвоено звание старшего лейтенанта.

– Хорошо, Папа. Это всё не важно. Давай завтра поговорим о задании.

– Хорошо. Иди спать сегодня, а я еще посижу...

За щитом и под щитом

С самого раннего утра они наблюдали, как за ними увязался каперский корабль. Потом присоединился еще один, – это был боевой корабль королевства. С ЧЕРНЫМИ ПАРУСАМИ! Это было плохо. В тавернах и кабаках всего островного государства давно и крепко бытовало мнение о том, что корабли с черными парусами не проигрывают, – и потому уже сам факт появления их на горизонте сразу же поверг в уныние весь экипаж. Да и нанятые воины охраны тоже были не в восторге. Ну как воевать с кораблем, борта которого, как рассказывают легенды, не пробиваются каменными ядрами, а ядра, выпущенные из их пушек, пробивают твой корабль навывлет сразу через оба борта, даже если на его пути будут еще дополнительные перегородки.

Надежды на скорость было мало. Хотя корабль только что вышел из сухого дока, где ему ну чуть ли не отполировали днище до зеркального блеска, а в парусном вооружении добавили несколько новых парусов, – преследователи всё равно не отставали. И как они могли выследить их в открытом море, – никто не понимал. Они после стояния в порту долго лавировали между островов и рифов, постоянно меняя курс, а потом – уже в открытом море – неоднократно меняли направления! Но это не помогло. Появления небольшого ка-

перского корабля было не так уж и страшно, хотя и неприятно, – с ним одним можно было бы и потягаться. А вот с хорошо вооруженным военным фрегатом – это уже почти безнадежно.

На борту фрегата не только много пушек и различного вооружения, но и большое число воинов, которые специальным учебным корпусом подготовлены к быстротечным морским и абордажным боям. Подготовлены так, что равных им нет даже в собственных офицерских полках королевства. Это, говорят, было неоднократно доказано в перекрестных учебных боях между королевскими корпусами и военными десантно-диверсионными отрядами. Побеждали всегда последние. Солдаты этих отрядов владели всеми видами оружия в совершенстве, в бою не только не щадили себя, но стремились унести в могилу как можно больше своих врагов. Они бились не ради выгоды и славы, – а ради Бога и Отечества, ради собственной Веры и своих предводителей. Болтали в тавернах, что это были женские истребительные отряды, составленные сплошь из бывших рабынь, освобожденных в таких вот боях из рук работорговцев, и на своей собственной шкуре досыта хлебнувших плетей, насилия, жестокости и всех видов лишений от своих бывших хозяев. Но говорили также, что после таких вот боев живыми экипажи захваченных рабовладельческих кораблей нигде не появлялись. Откуда тогда такая обильная информация о них, – никто не знал.

Вот такой враг и сокращал, хотя и медленно, расстояние между ними.

– Приготовиться к бою, – голос капитана корабля разорвал затянувшееся молчание экипажа. – Матросы и солдаты! Вы помните, что в случае поражения никто из нас не останется в живых? Вы помните, что у нас полный трюм рабов? Что за работоторговлю войско и флот королевства даже на рею не вешает, считая такую смерть слишком милосердной? Вы помните, что мы обречены только на победу?

– ДА! – отвечал экипаж корабля и солдаты охраны на каждый вопрос капитана. – Помним!

Сначала ответы были явно неуверенных и запуганных людей, но постепенно приходила уверенность в своем капитане, а с ней появлялась и надежда на победу. Конечно, большая часть экипажа и солдат сегодня пойдут на дно океана, – во время боя или в саванах после похоронной мессы. Конечно, если они проиграют бой, то живые позавидуют мертвым, когда их отдадут на растерзание выпущенным из трюма рабам, и особенно рабыням. И потому голоса отвечающего экипажа становились всё тверже, всё увереннее, всё воинственнее. Им уже казалось, что победа им будет обеспечена, а выданный вдосталь всем без исключения крепкий ром снял остатки неуверенности перед грядущим боем.

– Так давайте же разобьем эти дамские отряды самообороны, которые сейчас пытаются запугать нас, умелых воинов, своими черными трусами девственниц, которые они по

неведению называют парусами на своих кораблях! – вещал с мостика капитан, полируя свою саблю, плашмя лежащую на ладони левой руки. – Давайте присоединим его экипаж к нашим рабам в трюме, к нашим подстилкам в наших постелях, к нашему кровавому напитку после боя!

– Да, капитан! Виват, капитан! – кричали воодушевленные слушатели, тоже выхватывая сабли, пистолеты, короткие абордажные мечи и луки. – Даешь победу над кораблем проституток! Даешь их кровь на наши ванты! Даешь их капитана к нам на рею! – уже просто в экстазе орали все.

По приказу капитана корабля из женского трюма вывели на палубу толпу рабынь. Их выстроили плотной шеренгой вдоль борта, связав предварительно руки над головой. У всех теплилась надежда, что в своих – рабынь – бывшие рабыни стрелять всё же не будут. Ни из пушек, ни из пистолетов. Именно ядра, стрелы и пули перед коротким абордажным боем приносили наибольшие опустошения на атакуемых палубах.

За спинами связанных рабынь ставили тяжелые боевые щиты в полный человеческий рост из толстых и прочных деревянных досок, окованные по краям железной полосой, чтобы предотвратить поражение своих воинов стрелами лучников и арбалетчиков, которые не вели шквальный огонь, как стрелки из ружей и артиллеристы картечью. Стрелами стреляли прицельно в конкретные цели, но щиты могли предохранить от таких метких стрелков. К тому же щит из

живых наложниц и толстого дерева давал шанс выжить большему числу защитников за ним. Сам щит был слишком тяжел, чтобы бегать с ним, чтобы быстро переносить его с места на место, – он предназначался для предоставления укрытия солдату или матросу на одном месте, а именно около борта корабля.

К рукам рабынь были привязаны веревки, которые протянули по верхнему краю щита, чтобы рабыни не могли пригнуться и дать возможность наступающим выстрелить вверх их голов. Другой конец веревки «доблестные» вояки привязывали к своему предплечью или запястью, чтобы управлять рабынями во время боя. Привязывать их плотно к щитам не стали, чтобы дать возможность щиты поворачивать во время обстрела в нужную сторону, если в их рядах всё же возникнет просвет. Было совершенно безразлично, стоят ли женщины лицом к борту, или лицом к щиту, – они всё равно своим телом защищали защитников корабля от особенно метко пущенных стрел и пуль.

Чтобы не оттягивать момент встречи, выиграть время и не дать своим защитникам упиться до небоеспособного состояния, капитан рабовладельческого корабля решил пойти на сближение с фрегатом. Он сделал широкий разворот и пошел на таран, находясь сам против солнца по отношению к врагу. Палящее в глаза атакующим светило должно было уменьшить точность прицеливания, ухудшить видимость цели абордажной команде.

Совершить таран ему, естественно, не дали. Военный корабль в последний момент немного отвернул и прошел бортом к своему противнику очень близко. Залп из всех орудий произвели оба противника. Но рабовладелец палил по палубе, где скопились по его мнению абордажные команды, а военный стрелял в ватерлинию, где не было защиты из живых тел рабынь.

Рабыня стояла, зажата между бортом и щитом. Связанные руки, подтянутые к верхнему краю щита не давали возможности ни отклониться в стороны, ни присесть вниз, ни прыгнуть за борт, тем самым давая возможность стрелять нападающим. «Что же делать? Что же делать?» – обреченно думала Рабыня. Она точно знала, что за этим щитом стоит Воин, который купил ее на невольничьем рынке, который много раз насиловал ее на берегу и уже на корабле, – для того и купил, – который хотя и кормил ее, но только для того, чтобы сохранить жизнь и здоровье своему личному товару, своей дорогой вещи. Он был ей враг, и она больше собственного спасения жаждала его смерти. Даже ценой своей собственной жизни. Оставалось придумать, как это сделать.

Корабли разошлись бортами, быстрые выстрелы рабовладельца не причинили военному кораблю большие повреждения. А пробоины выше ватерлинии борта в области носа, где обычно не было рабов, а были помещения для экипажа и солдат, при столь быстром движении начали зачерпывать довольно много забортной воды. Корабль стал двигать-

ся несколько медленнее, чуть накренился в сторону атакованного и поврежденного борта.

Наклон был еще совсем небольшой, однако это еще сильнее прижало щитом к борту Рабыню. Было понятно, что Воин навалился на щит со своей стороны и готов к бою. Что он будет придавливать к борту и не даст двигаться Рабыне, чтобы сохранить свою собственную жизнь. Внезапно девушка чуть приподнялась, вытянула руки и крепко схватилась за верхний край щита. Военный корабль опять приближался в ее борт. Пушечные порты оцетинились пушками, готовыми к новому залпу. В момент, когда борта оказались в зоне взаимной видимости, Рабыня сильно потянула на себя верхний край щита, практически заваливая его вместе с собой на борт. Щит и так прижимался к борту всем весом тела Воина, внимательно смотрящего в щель на противника и никакого внимания не обращающего на прижатую жертву. Поэтому движение вперед щита не показалось ему ничем серьезным, и он продолжал давить на него, пока... Пока Рабыня не перекинула ноги через борт и всем своим весом не рванула вниз верхний край щита за борт вместе с собой.

Чтобы не последовать за борт вместе с щитом, Воин на мгновение отпрянул назад, – и упустил щит, который с тихим шелестом скользнул вместе с Рабыней за борт корабля. В самый последний момент он протянул руку за щитом, который уже летел над бортом, который уже не прикрывал его от противника, который увлекал за собой девушку, еще

мгновение назад бывшую тоже его щитом. В открытую грудь, шею и живот Воина вошли четыре стрелы разного цвета, пушенные с мачты и палубы боевого корабля. Но движение вперед уже остановить было невозможно, и он последовал вслед за тяжелым щитом и Рабыней за борт, привязанный к ним одной веревкой – к собственному запястью.

Всем, кто видел это со стороны, казалось, что они целую вечность летели втроем гирляндой: Воин, щит и Рабыня, – словно в замедленном кино, – сначала над бортом, потом перед открытыми портами пушечной батареи, потом приблизились к поверхности воды... Первой упала в воду девушка, которую глухо ударил сверху тяжелый щит. Воин тяжело кулем вошел в воду уже прямо на своем щите, но, похоже, уже мертвый. Вода сомкнулась над ними.

Воин и Рабыня уже не увидели, как вслед за этой троицей, в воду не сговариваясь посыпались толпа других девушек-рабынь, увлекая за собой всё новые и новые тяжеленные щиты с привязанными к ним за руки солдатами и матросами, – еще недавними грозными защитниками себя самих и своего корабля. Как других воинов, кто за этими щитами стояли, осыпали стрелами, пулями, картечью, связанными попарно небольшими ядрами и другими метательными снарядами абордажные и стрелковые команды военного корабля. Защитники рабовладельца были просто сметены с палубы этим шквалом огня. В принципе, судьба всех этих людей была решена, – одним движением девушки перед щитом.

А сама Девушка, которая еще мгновение назад была Рабыней, погружалась без движений всё глубже и глубже. Её тянул вниз тяжелый окованный железом щит, который так и не стал защитой привязанному к ней и к этому щиту мужчине, которого столь же короткое время назад звали и считали Воином. Более того, этот щит стал их общим грузом, который тянул их всё глубже и глубже. Но им обоим было уже всё равно, – они закончили свой круг земного пути и уходили в небытие.

Из личного дела Отряда

Сестер и братьев у неё не было. Она росла в примерной немецкой семье в небольшом городке под Гамбургом. Городок прямоугольной застройки был в ее памяти всегда чистенький, ухоженный, с большим количеством цветов.

Ее папа был военным, – офицером в хорошем звании, – служил в закрытой военной части за городом. Он ездил на работу каждый день на своем джипе, и перед выездом за ворота сигналил ей. Ханна обязательно подбегала к окну, откидывала занавеску и махала ему вслед. По приезду папа снова сигналил, и тогда Ханна выбегала из дома и кидалась к нему на шею.

Мама, преподававшая музыку в их школе, позднее рассказала дочке, что папа очень хотел сына, но мама долго не могла забеременеть. И рождение дочки уже после того, как они и не ждали такую возможность, восприняли как подарок, как величайшее событие в жизни.

Семья была счастлива, родители жили как для себя, так и для дочки, домик их был удобным, школа в паре кварталов от дома.

Папа, с самого рождения не выпускавший дочку из рук всё свободное время, попутно научил ее многим мальчишеским приемам самозащиты. В благополучном городке, где

все друг друга знали и дружили семьями, такой опыт ей, казалось, был не нужен. Это потом, когда она как-то поехала на экскурсию в другой город с классом, к ним начала приставать какая-то развязанная компания старших мальчиков... В результате Ханна сломала им два носа, одну лодыжку, одну ключицу, – и попала в полицейский участок. Никто не ожидал от такой маленькой девочки такую «вертушку» на одной ноге и такой полет свободной ноги, который разбросал обидчиков и в корне изменил расстановку сил в противостоящей друг другу толпе детей. Воспитатель, по вине которой дети-экскурсанты на короткое время остались без присмотра, не оставила ее ни на минуту, и сидела в участке рядом с ней, пока не приехал экстренно вызванный отец и не забрал дочку домой.

Воспитатель даже ничего не успела сказать стройному немолодому офицеру, – ему всё сказали родители «обиженных» мальчиков и полицейские района. После этого он, не говоря ни слова, поднял дочку на руки, отнес ее в свой джип и они уехали. Разбирались полицейские с мальчиками без её участия, а совместно с воспитателем и родителями детей, принявших участие в экскурсии.

По дороге домой папа подарил дочке большого мягкого медведя, которого впервые выбрала лично сама Ханна, целую сумку шоколада, новые яркие спортивные и очень удобные туфельки и большую бутылку сладкого газированного напитка. На этом подарки на тот день были закончены, и

Ханна пообещала папе никогда никого ни при каких обстоятельствах первой не бить, – и выполнила свое обещание вплоть до отъезда в вуз на всей территории городка. Хотя после рассказов многочисленных участников той экскурсии к ней и так никогда никто не лез ни с советами, ни с проблемами для нее.

До конца школы Ханна ходила на занятия в закрытый женский клуб самообороны, где учили не только обороняться, но и нападать, – и весьма жестко, – на своих обидчиков, где учили владеть разными подручными и штатными средствами ведения поединка. Приняли ее в этот клуб, несмотря на ее детский возраст, после того, как она, приведенная отцом, показала свой «танец», в результате которого тренер клуба упал за пределами борцовского мата. Повторить этот «танец» так никто и не смог, – даже сам тренер. «Танец» называли «ВОЛЧОК». А в процессе оттачивания движений в этом «танце» у Ханны появились варианты «верхнего», «среднего», «нижнего» боя и целый каскад неожиданных и внешне красивых, но очень опасных для ее противников «па» и движений. Для повышения эффективности Ханна отрабатывала «волчок» с различными подручными и штатными средствами ведения поединка. Смотрелось это просто убойно для всех, кто впервые это видел.

Но девочка подросла, и попросила папу, который к тому времени стал больше в звании и в талии, определить ее в одно очень малоизвестное закрытое военное учебное заведе-

ние, где из простых мальчиков и девочек делали супер-воинов мирового уровня. Папа почесал затылок, но дочка, не дав сказать ему ни слова, добавила, что выйдет из него уже старшим лейтенантом, если выполнит в качестве экзамена серьезное задание руководства.

– А сможешь? Ведь там задания могут быть просто очень сложными, – закричал отец, только теперь понявший, что выросла не просто девочка, а девочка-воин, девочка-офицер.

– Пап! Выполню. Честное слово! – звонко закричала Ханна.

Свое первое задание перед выпуском из учебного заведения и в звании сержанта она получила, и начала выполнять...

... в тихом хвойном лесу около Клиники. Никто не знал, что происходит в этом лесу, в этих сверхсовременных стенах, в головах их руководителей. И ей это надо было выяснить.

(Продолжение действий в хвойном лесу около Клиники – см. в трилогии «Материализация Легенды». Примечание автора.)

Одна из вершин

Артисту казалось, что над его головой плыло сияние, – круговое сияние, ангельская метка, – когда затих оркестр в свой яме, когда зрители восхищенным вдохом затихли на мгновение, – сразу после того, как он оборвал звучание своего голоса. Еще секунда, – и грянут нескончаемые аплодисменты вслед за его последним движением руки, словно очертившим его голос и поставившим точку сегодняшнему выступлению всего театра, всей труппе. Еще секунда, – и полетят ему под ноги букеты, побегут, чтобы прикоснуться к его плоти, толпы обожательниц. Еще секунда, – и к яркому свету софитов присоединится мощное освещение зала, и восторженные лица станут ему видны, вынырнув из глубокой тени. И именно в эту секунду, что отделяла всегда его голос от восторженного рёва толпы, обычно и возникало у него ощущение нимба над головой, ощущение величия и собственно безграничной славы.

«Остановись, мгновение! Ты прекрасно» – выражение великого немецкого ученого и писателя Иоганна Вольфганга Гёте в его бессмертной трагедии «Фауст» много раз приходило ему на память в этот миг. Ему хотелось этого «остановись», он бы променял на это «остановись» не только имеющиеся и грядущие земные блага, но посмертный небесный

покой.

Ему казалось, что он парит над залом, над людьми в партере и бельэтаже, над их восхищенными душами и замершими в напряженном ожидании телами, руками, лицами.

ОДНО МГНОВЕНИЕ – только ОДНО МГНОВЕНИЕ! И нет уже границы между ним и божественной сферой, нет обратного пути, нет будущего. Только пропасть позади и неизвестность впереди. Иногда он думал о том, что вместо восторженных криков и цветов в него могут полететь огрызки яблок, гнилые помидоры и тухлые яйца, как это было у некоторых артистов по рассказам. Но думал об этом ПОТОМ, сидя в изнеможении в своей гримерной после ухода посетитель, после наступления тишины не только в его помещении, но и во всём театре. Он перебирал при этом свои парики, элементы грима, лежащие на столике маленькие подарки и стилистические букеты...

Букеты... Обрывки чужой жизни, результаты чужого труда, которые даже не доставляли ему удовольствие после того, как закончились рукоплескания, выкрики зала, горячий шепот обожательниц на ушко на сцене или в ночном номере гостиницы. Иногда эти букеты кто-то из слуг ставил в вазы, но чаще всего они превращались в невостребованное сено на утро или через сутки, – просто завянув и поникнув головками соцветий, листьями и пока только кончиками стеблей.

Иногда в потоке цветочного пакета, грудой лежащего у него в комнате, он находил коротенькие записки, простень-

кие сувениры, целые послания и просто обычные открытки, порой даже не надписанные, обезличенные типографскими краской и избитым мещанским сюжетом.

Выскакивающие на сцену дамочки, степенно выходящие мужи-правители и разношерстные представители местного бомонда, разные, – искренние и неискренние, праведные и извращенные, – были ему безразличны до такой степени, до которой они закрывали его своими фигурами от остальных зрителей. И даже порой несколько раздражали, словно отгораживали от него поток исходящей из зала сильной волны обожания в его адрес, им самим, его игрой, его мистической красивой жизнью на сцене. Это было даже больше, чем безразличие, – это было в какой-то степени неприятие, неудовольствие, которое показать кому-нибудь было просто невозможно, а высказать просто губительно для него, как актера. Назвать их своими именами: идиоты, фанатики (в худшем смысле этого слова), тупицы, бездари, хромосомные отбросы великого божественного создания, неумехи, – да мало ли других определений? – было тоже нельзя. Приходилось хранить и копить это глубоко в себе.

Самым противным в этом его состоянии было то обстоятельство, что он знал, как довести толпу этих оголтелых идиотов к такому состоянию обожания его. Он мог бы привести их в любое другое состояние: любви, ненависти, воинствующего духа, паники, страха, блаженства, нирваны, – продолжайте список сами. Он обладал этой силой над толпой. Он

повелевал толпой. Он властвовал над толпой. Если бы он захотел стать оратором революции или вершителем судеб, – он бы без труда со своим даром стал бы им. Но он не хотел. Его неоднократно склоняли стать знаменем различных движений, примкнуть и возглавить, – он категорически отказывался, зная свою известную только ему и непонятную силу внутри себя. И он знал свой конец. Кажется, сегодня он опять перегнул палку...

Вместе со взрывом ликования зрителей, криками и букетами, из глубины зала на сцену прилетела маленькая пуля и отбросила его навсегда в забвенье... Мгновение остановилось и превратилось в непроглядную темную вечность.

Задание

Полковник Райнер Огер отсутствовал утром в кресле около камина. Не было его ни дома, ни в тире, ни на территории, – так показывала охранная система. Но охранная система не давала информации о том, как и когда полковник покинул дом и территорию, хотя и должна была. И в этом была одна из черт отца. Лежал только его второй пистолет рядом с тонкой папкой на столе в кабинете. Тот самый, с которым она заснула, крепко сжимая в руке любимую вещь отца, когда ждала его возвращения. Но уже вычищенный и смазанный после упражнений в тире, готовый к новому использованию.

Ханна прошла по всем комнатам дома, подвала, по всем вспомогательным помещениям. Посидела в своей детской комнате. Она так и осталась собственно детской комнатой, – после выхода из нежного девичьего возраста и поступления в военный вуз она редко бывала дома, – в учебном центре далеко от дома, в лагерях, на соревнованиях и в командировках. Потому все ее игрушки и другие предметы так и оставались на своих местах, как в школе. Девочка, – а потом девушка, – уже не пользовалась этой комнатой после школы. Приезжая домой на несколько коротких дней отпуска и каникул, Ханна спала летом в саду в гамаке, или зимой на ди-

ване в зале после долгих рассказов родителей и родителям.

Теперь она прикасалась к предметам по дому, к игрушкам в детской, к снарядам в спортивном зале, совмещенным с тиром. Да и сам тир был тоже частью ее детства, – стрелять она училась, как говорится, «с пеленок». Ханна ходила по дому и словно прикасалась к своему детству. Она считала, что детство прошло здорово и хорошо. Но и закончилось именно в этом доме.

На лужайке перед домом не было ничего, кроме навеса и небольшого столика. Да тут и не могло ничего быть. Сколько она помнила, эта лужайка была предназначена для того, чтобы принимать солнечные ванны лежа на траве. Чтобы играть с родителями и детьми в мяч и просто кучу-малу. Чтобы просто лежать на траве, смотреть на небо, проплывающие облака, звезды ночью и по-детски мечтать, фантазировать. Чтобы просто дремать на солнышке или в тени зонта. Чтобы гонять залетевших бабочек и мотыльков днем, а ночью собирать иногда цикад или светлячков. Чтобы качаться на качелях, – но не «до небес», хотя иногда такое хохоча оба с отцом они тоже устраивали под громкие оханья мамы, – а не сильно и приятно.

Около бассейна она посидела на шезлонге. Потом скинула халат и нырнула в теплую на солнце голубовато-изумрудную воду, поплавала, поплескалась. В воде плавали пластиковые шарики, надувной круг, знакомый ей еще с детства. Значит, папа его не только сберег, но и поддерживал столько лет в

«рабочем» состоянии. Однако плавающие «дорожки» были сняты и лежали в специальном коробе под навесом. И раньше отец их натягивал только тогда, когда они с подругами устраивали плавание «наперегонки», а еще ранее когда Ханна изначально училась плавать.

Не сказать, что по дому были везде напоминания о ней, о маме. Нет, просто сами предметы по дому напоминали о том, что они тут жили дружной семьей, любящими друг друга людьми. И отец не стал что-то менять в расстановке предметов, – так и жил, поддерживая чисто по-мужски, по-военному порядок в доме.

А мамино фото с черным уголком было только на столе в его кабинете, – как раз перед ней, где она присела после осмотра дома, купания в бассейне, валяния в траве на лужайке. Мама смотрела с фотографии просто и спокойно, с легкой, как казалось зрителю, улыбкой, определенной долей нежности. Мама не замечала и не могла заметить лежащие перед фото пистолет и папку.

Ханна открыла папку. В ней был только один лист с напечатанными цифрами и буквами GPS координат. Больше не было ни слова.

Пустыня

Солнце медленно приближалось к линии горизонта. Небо постепенно багровело, на нем появлялись длинные тени от редких облаков, разбросанных на пройденном солнцем пути.

Пустыня длилась от края и до края. Местами пробивалась сухая трава, корявые, чуть ли не стелющиеся по земле, но тоже сухие маленькие толи деревца, толи толстые стебли многолетней травы. Когда поднимался ветер, можно было видеть катящиеся, – а при сильном ветре и летящие в клубах песка, – шары «перекати-поле». Они катятся по поверхности, то переваливаясь величаво в такт порывам ветра, или неуклюже взбираются на барханы, скатываясь с них значительно быстрее, чем при подъеме.

Как ни кутай лицо от ветра, пыли, солнца, но на зубах всё равно скрипит песок, кожа нагрета солнцем и высушена ветром до постоянного шелушения, а в складках куфии постоянно есть пыль и песчинки, хоть и не большое количество.

Күфия (араб. #####, kūfīyā, множ. ч.: араб. #####, kūfīyāt, также: арафатка (простореч.), шемаг, шемах, keffiyeh, shemagh, shmagh, kaffiyah, keffiya, kaffiya, ghutra, hatta) – мужской головной платок, популярный в араб-

ских странах. Куфия является неотъемлемой частью мужского гардероба в арабских странах. Служит для защиты головы и лица от солнца, песка и холода.

Часто (но не всегда) куфия носится с обручем чёрного -дорзета – эгалем (agal, (араб. #####, iqāl) – икаль, слово, ственное «Igul» (לגלג), на иврите означающему «круг»), придерживающим платок на голове.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии

Найти днём что-то живое на разогретой и обжигающей, словно раскаленная сковородка, поверхности просто нереально. Даже змеи и ящерицы, которых иногда можно мельком увидеть в начале дня, исчезают просто бесследно сразу, как только солнце достигает определенной точки на небе. Могут выступать из земли только кости крупных животных, – обглоданные, высушенные добела, отполированные сначала зубами, а потом, словно пескоструйным аппаратом, песчаным ветром. Могут после бури обнажиться почерневшие и наполовину осыпавшиеся старинные единичные строения или даже целые полуразрушенные поселения уже давно переставших существовать народов, которые в связи с прошедшим временем всё ближе и ближе подходят к состоянию привычного для пустыни однородного песка.

Еще утром Воин вышел из одного такого наполовину разрушенного строения, в котором сначала заночевал, а потом прожил еще почти полтора суток. Просто отдыхал с дороги

в безопасной душевной тени крыши от палящего вокруг солнца. Он долго прислушивался к отдельным шорохам в первую ночь, весь следующий день, и только вторую ночь смог полноценно заснуть, убедившись, что в строениях вокруг нет никого, кто мог бы им заинтересоваться. Пробежала рано утром ящерица, – и всё. В основном он слышал шуршание струй песка в щелях стоящих между стен и почти полностью разрушенных заборов.

Но всё это время у него не проходило ощущение, что за ним кто-то наблюдает, слушает, нюхает. Он долго прислушивался и ворочался первую ночь, быстро оглядывался и приглядывался весь день. НИ-ЧЕ-ГО!!! Потом привык к этому ощущению, дал команду мозгу, чтобы он притупил эти ощущения на время своего здесь пребывания. Но потом, когда он ушел дальше после второй ночи, ощущение чужого присутствия прошло.

Да, на пути можно встретить много разного. И предметов, – и потом решать, нужен ли тебе этот предмет, хотя всё нужное за долгие годы после Катастрофы уже подобрали Собиратели. И ощущений, – как то, в разрушенном времени селении.

Было еще днём такое видение, – или просто тень на горизонте, – словно всадник едет. Не скачет, не бредет, а именно едет. Он не смог разглядеть на чем едет всадник, – конь, осел, мул, – но понял, что тот едет неторопливо. Потом тот опять пропал за линией горизонта, как и появился, – внезап-

но. Именно внезапность наводила на мысль, что это был мираж, или просто какая-то тень от невидимого за горизонтом предмета. В пустыне такое бывает, – иногда. Правда, зрение у Воина было не столь сильное, чтобы отчетливо рассмотреть видимое на линии горизонта, – он хорошо видел на два полета стрелы, – но и тень путника на таком расстоянии не самое лучшее известие.

Могут выглядывать из-под песка части или полные механизмы давно погибших и ушедших в века цивилизаций. Они сохраняются в безводном мире и абсолютной суши лучше, чем строения, но тоже подвергаются своему естественному износу: рассыпались их мягкие части колес, облупилась краска, выкипели и высохли все емкости, расслоились части из дерева и пластика. Наиболее твердые металлы были давно сорваны для производства орудий и оружия, и, если до более мягких деталей не дошло дело, то только потому, что утащить их отсюда, из центра пустыни, было просто нереально. Да и идти за ними в такую даль, когда есть еще чем поживиться в разрушенных городах и селениях погибшего мира. Да и не всегда, как выяснялось, такие остовы и останки техники могут быть абсолютно безопасны. Были такие, которые почему-то взрывались, или заражали какими-то болячками, быстро приводящими к смерти смельчаков. Их поломанными костями или высохшими трупами (ни одно животное не позарится на отравленное мясо!) нередко можно было полюбоваться вблизи механизмов, на которые они пы-

тались наложить свои хищные руки.

Сегодня на пути следования он увидел полузасыпанный песком старый грузовик. Точнее только его верхнюю часть. Еще точнее, похожую на небольшой дом пристройку на нем. «Кунг снабженцев» – было написано на пристройке. Что это означало, Воин не знал.

КУНГ – аббревиатура, обозначающая кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита или Кузов УНифицированный Герметизированный. Для обеспечения нормальных условий работы личного состава, оборудования и приборов как в мирное время, так и во время боевых действий. КУНГи выпускались для установки на шасси автомобилей.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии

Но хотя надпись и была непонятна, форма пристройки была явно приспособлена для проживания людей. И хотя краска на стенах облупилась, доски покрытия потрескались на солнце, это было всё еще крепкое строение. Медленно приблизившись к нему, Воин услышал за стеной, – или ему показалось? – прерывистое, сдерживаемое дыхание. Заглядывание в маленькие окна не дало ничего, – что-то типа ставней – наружная защита от солнца и пыли, – были открыты, наружная решетка, потом плотные защитные жалюзи, потом, видимо, стекло и плотные внутренние шторы. Словом, ни-

чего не было видно.

Он и ушел. Такие объекты, если их надо вскрывать, надо наблюдать долго и внимательно, исследовать под разными углами освещения, искать ловушки и сюрпризы. Мало ли кто и что оставил для любопытствующих... Но разбираться со своей слуховой галлюцинацией или ложными ощущениями в условиях столь очевидной опасности и под просто сжигающими лучами летнего солнца ему просто не хотелось. Ну, найдет он там беглого раба, или перепуганного кочевника, или даму преклонного возраста, неизвестно как выжившую в пустыне... И что?... Куда их девать? Вести с собой или использовать в качестве тягловой силы? – А ему и не надо. Да и кормить их нечем, – запас продовольствия был рассчитан на него одного на оба конца пути. Конечно, с небольшим запасом, чтобы можно было не запланировано остановиться где-то на отдых, где нельзя получить пищу и воду со стороны, – как в прошедшие сутки. Но не для еще же одного попутчика!...

Если бы эта надстройка на грузовике была бы открыта и пуста, то можно было бы в ней переночевать, – или хотя бы рядом с ней, – он бы остался. Основная часть пути была уже выполнена, заказ выполнен, и шел он не торопясь. Не любил опаздывать, но и возвращаться на много раньше назначенного времени не надо, – и это хорошо. Но мало ли кто и когда вылезет ночью из кунга? – если это название строения, – не стоит рисковать, хотя тоже ничего страшного. Ему

и в открытой пустыне не плохо. Всё видно, всё слышно, всё понятно.

Воин передвинул на поясе нож, поправил на боку короткий меч, проверил, хорошо ли застегнут колчан. Всё в порядке.

Надо отойти от этого места достаточно далеко, чтобы не ждать проблем ночью, а значит надо уходить прямо сейчас, пока не надвинулись сумерки, не стемнело...

Стрела вошла между левой лопаткой и позвоночником, пробила сердце и вышла рядом с грудиной. Воин, не успев ни о чем подумать, почувствовал только мгновенную острую боль и упал лицом в песок.

Кулон

Афганистан. Кабул. Антикварная лавка.

В протянутой ей антикваром шкатулке лежал внешне совсем простенький потертый серебряный кулон и целая пачка бумаг.

Антиквариат (лат. *antiquus* «старый») – художественно-исторический термин, применяемый для описания различных категорий старинных вещей, имеющих значительную ценность. Антиквариат в целом – это старые или редкие художественные произведения или другие ценные вещи, которые являются объектами коллекционирования и торговли.

Википедия.

Она прочитала бумаги и открыла кулон. Дрожь пробежала по руке, когда она взяла эту вещицу в руки.

«Этого не может быть, – потому что ЭТОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ! Кстати, бумаги говорили о том же. Что этого не может быть» – первая мысль, которая пришла в голову.

Она смотрела на открытый кулон на ладони и не верила своим глазам. Просто невозможно, потому что кулону, судя по его потертости, было столько лет, сколько не могут жить не только люди или даже государства, но и многие цивилизации.

На крышке кулона снаружи был какой-то непонятный символ: глаз в круге с расходящимися лучами. Солнце? Всевидящее Око? Идеалистическое изображение лупы? В любом случае, это могло быть очень много разных предметов и

понятий, о которых не имело смысла и гадать, – мало ли что было в момент рисования в голове древнего художника...

Древнего? Скорее даже древнейшего! Это если смотреть на кулон с позиций его спектрального и других анализов, полностью отличающихся от настоящего, – это и говорилось в заключениях различных экспертов. Но этот же спектральный анализ, как и заключения экспертов, говорили о том, что подобных сочетаний веществ в составе украшений такого рода просто никогда не было и НЕ МОГЛО БЫТЬ в пределах солнечной системы.

Но был еще рисунок внутри кулона: счастливая целующаяся пара в монашеском одеянии. В руке мужчина держал тот самый символ, который был изображен на крышке, словно это чей-то символ власти или веры, словно скипетр.

В руке женщины была горящая свеча. Можно было бы предположить, что сочетание символа власти или веры с этой свечой имели какой-то огромный смысл: этот символ принес им какое-то очень светлое или великое чувство, силу, деяние. Типа, дал свет!...

Картинка была выполнена очень мастерски, выписана с большим старанием, как пишут обычно образы близких и очень дорогих людей. Или рукописные иконы, которые дарятся очень дорогим людям, чаще всего изображенным для этих кулонов. Или гравюры для кулонов, хотя не исключено, что по мотивам иконы.

Икона? С Всевидящим Оком? Со стилистическим Солн-

цем? Но такой символики на Земле не было! Эксперты в один голос утверждали в своих заключениях, что им неизвестен такой монашеский культ или орден, который бы использовал такую символику.

Она взяла лупу, которая тоже лежала в шкатулке, и стала внимательно разглядывать детали картинки. Ничего особенного в монашеском одеянии не было: ряса с капюшоном простенькая, даже немало поношенная. Свеча больше стилизована, ее пламя просто сильно вытянуто вверх, словно факел или газовая горелка.

Лицо женщины милое, доброе, одухотворенное, влюбленное, спокойное, умиротворенное. Она любит своего спутника, и не скрывает этого перед художником.

А вот лицо мужчины...

Внимательно всматриваясь в черты несколько отвернутого от зрителя лица, еще и скрытого немного в тени капюшона от пламени свечи, она заметила нечто, что вынудило её саму снова буквально воскликнуть: Этого не может быть, – потому что **ЭТОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!**

На изображении было такое «не может быть», о котором в бумагах ничего не было. Или эксперты не знали о сути изображенных людей? По крайней мере одного человека.

На гравюре, иконе, картинке, миниатюре, – называйте ЭТО как хотите, но от этих слов суть и подоплека изображения не менялись, – был изображен Александр, Саша, Саня, Слива.

А этого как раз и не может быть, – потому что ЭТОГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

– Сколько же вы хотите за эту вещицу? – вопрос был произнесен мягким и спокойным, почти безразличным голосом, но кто бы знал, какая буря играла в этот момент в душе!

– Ничего невозможного, – так же невозмутимо ответил продавец. – И совсем недорого.

– И сколько же это?

– Самое дорогое для Вас. И не копейки больше.

– Вы Дьявол?

– Нет, я простой торговец.

– Вы понимаете, что Вы просите?

– Понимаю, но торга не будет, – спокойно сказал продавец, закрывая шкатулку и пряча ее в выдвижной ящик стола. – Когда будете готовы расплатиться, эта шкатулка будет ждать Вас в этом ящике. Приходите, я всегда буду Вам рад.

– Откуда он у вас?

– Не знаю. Я его купил у какого-то старца, кочевника. Потом сам заказал и оплатил экспертизу, чтобы понять его ценность.

– И где тот кочевник?

– Он умер. Попытался пропить полученные деньги, и умер. Такое бывает в наших краях. Кстати, у меня есть еще приложение, если захотите. У меня есть целый сундучок бумаг, которые не смог перевести ни один переводчик, и не

расшифровал ни один криптолог. Приложение можете не забирать, я не настаиваю. Но почему-то думаю, что они Вам понравятся и понадобятся.

– Когда я приду за кулоном, я заберу ВСЁ.

– Я буду ждать.

– А что Вы заплатили за этот кулон?

– Я? Расскажу, когда Вы или кто-то от Вашего имени купите его. Если Вы всё еще захотите это знать к тому времени.

– От моего имени?

– Да, не удивляйтесь. Так бывает.

– Отдайте немедленно, – в руке Ханны появился пистолет. – Откройте ящик.

– Уважаемая барышня, но у меня ничего нет, – торговец открыл ящик стола, но тот был пуст. – Вам что-то показалось от жары. Дать холодного сока? Будете? Или воды?

На нижней поверхности шкатулки был ряд цифр, который врезался в ее память с первого взгляда.

Цыганский барон

Молодой цыган стоял в дверях в помещении и смотрел на собравшихся. За длинным столом сидела большая группа людей, одетых в хорошие костюмы и смотрели на него с удивлением.

– Ты, мужик, попутал не только двери, – ты попутал кварталы или города. Здесь не твой мир. На этот раз мы тебя не просто вышвырнем...

– Я ничего не попутал, – цыган перебил говорящего, не обращая внимание на разноголосые возмущения сидящих. – Это мой дом и моя земля. Это исконно принадлежит моему народу, и вы нас не выгоните отсюда. Это земля наших предков. И вы знаете об этом все. И еще, – Я ВЕРНУЛСЯ.

– Вышвырните этого ублюдка за дверь, и сделайте так, чтобы он никогда не возвращался сюда, – громко крикнул сидящий во главе стола бородатый азиат. Он даже не задумался, почему и как этот юноша мог появиться внутри дома, где проходило собрание столь почтенных людей. Как прошел через охрану. И где, собственно, охрана.

– Не боишься, Лютый? – громко спросил цыган.

– А чего мне бояться? Твоей братии с гитарой и медведями? – Лютый рассмеялся и потянулся к бокалу с вином. – Или у тебя есть танки?

К цыгану уже бежали двое рослых охранников, вытаскивая на ходу резиновые дубинки. Они даже не задумываясь замахнулись и... Парень словно кашлянул тихонько и поднял в их направлении левую руку. Старший охранник вдруг захрипел и рухнул на пол, пуская длинную струю крови из перерезанного горла. Второй громила остановился, как вкопанный, схватился за шею и тоже упал. На шее было видно хвостовое оперение миниатюрного дротика – стрелки, – поразившей его словно из ниоткуда, как и что-то острое, поразившее его старшего товарища.

– Ну и что? – протянул Лютый. – Эти фокусы с метанием разовых дротиков и плеванием единичными лезвиями я видел в зоне. Но ведь теперь ты безоружен и от пули никуда не уйдешь, – и начал вынимать из кармана свою карманную артиллерию. Но не успел. Парень в дверях протянул в его направлении левую руку и перед ним в стол вонзилось три дротика, – такие же, как и в горло охранника. А лезвие распорол щеку говорившего.

– Я бы не стал делать такие выводы, – цыган улыбнулся. – Или хочешь испытать судьбу?

Он спокойной походкой приблизился к длинному столу, взял в руки графин с вином и с наслаждением понюхал его содержимое.

– Ты украл моё любимое вино. Это не хорошо, – сказал он и снова поставил графин на стол.

Справа от парня появился приближающийся к его голове

стул. Это один из сидевших с краю стола слегка незаметно привстал и, взявшись за основание спинки, рывком вытащил его из-под себя и попытался сбоку ударить наглеца по голове. Но движение стула непонятным образом изменилось, и стул полетел в сидевших напротив него сотрапезников. А сам кидавший и остальные увидели, как в его сторону оказался направлен указательный палец правой руки цыгана, и между этим пальцем и его лицом забила ослепительно яркая молния. Все словно ослепли на мгновение. Но и в этом состоянии временного ослепления даже сквозь зажмуренные веки было видно, как вдоль длинного стола блеснули еще две молнии, ударившие в тех, кто сидел по правую и левую руку от Лютого.

– Ну, что? Я безоружен? – усмехнулся юноша. – Тебе и такое приходилось видеть у уголовников? А что ты скажешь про это?

В его протянутых вперед ладонях вдруг появился и стал расти голубоватый шар, постепенно наливаясь изнутри призрачным ярко желтым свечением. Внутри него, как короткие змейки, бились в разные стороны в беспорядке короткие маленькие молнии, но не выходили за пределы этого голубого шара. Оторвавшись от рук, шар медленно поплыл вдоль стола, издавая в полной тишине легкие электрические потрескивания и запах озона. Не было никакого сомнения в том, что именно видели все сидевшие за столом.

Шаровая молния – редкое природное явление, выглядящее как светящееся и плавающее в воздухе образование. Широко распространено мнение, что шаровая молния – явление электрического происхождения, естественной природы, то есть представляет собой особого вида молнию, существующую продолжительное время и имеющую форму шара, способного перемещаться по непредсказуемой, иногда удивительной для очевидцев траектории.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии

Голубой шар проплыл по всей длине стола и остановился напротив головы Лютого. Тот поморщился и ... медленно сел на свой стул. Он спокойно смотрел на это опасное явление, – и на цыгана сквозь этот шар.

– Ты кто? – тихо спросил он. Все знают, что шаровые молнии практически не изучены, но издавать около них громкие звуки, делать резкие движения или стрелять нельзя. Ну, можно, конечно, если жизнь не дорога. И все сидевшие за столом понимали, что они связаны сейчас покрепче полицейских наручников или цыганских удавок. Взрыв молнии неминуемо сметет не только стол и сидевших за ним, но и стены с потолком. Как коробка с динамитом.

– Я Барон. Цыганский Барон. Слышал обо мне? – барон уже шел вдоль стола в сторону Лютого, несколько не смущаясь тому, что под некоторыми сидевшими на полу стали

расползаться лужи с явным запахом мочи. Хотя сами запахи говорили, что есть не только моча. – Я вижу, что твое войско очень хочет сказать тебе спасибо, что ты собрал их всех в один зал, чтобы мне было сподручнее их убить одновременно.

– Но ведь тогда и ты погибнешь, Барон, – почти спокойно ответил Лютый, медленно откидываясь на спинку стула.

– Да ну? – рассмеялся цыган. – Может быть побьемся об заклад, да я взорву эту молнию прямо щас? Вот только как ты потом мне выплатишь проигрыш?

– Барон, не надо... – прошептал один из сидевших, но замолчал под яростным взглядом Лютого.

– Надо или не надо, – это я буду решать, – ответил ему цыган. – А пока вы все молчите, я отвечу на вопрос. Я Цыганский Барон. Я не оговорился. Я сын того человека, которого помощники Лютого убили для захвата этой территории. Но они убили старика с очень длинной историей и никому неизвестными до конца умениями. Эти умения собирались и множились нашим родом долгие тысячелетия, и если бы он захотел, то не погиб бы. Но мой любимый отец решил по-другому. Он передал свою силу мне, своему младшему сыну, и теперь я – Цыганский Барон.

Со стороны входной двери грохнули два револьверных выстрела. Цыган, слегка повернувшись, послал в ту сторону две молнии: одна на лету расплавила одну летящую пулю, а вторая впиалась в лицо стрелявшего, не дав ему сделать еще

выстрелы. Цыган опять повернулся лицом к Лютому, нагнулся, поднял что-то с пола и кинул ему на стол. Вторая пуля лежала на столе смятая и деформированная, словно она угодила в железнодорожный рельс.

– Что ты хочешь? – снова тихим голосом спросил Лютый. Было не понятно, сдерживает ли он в себе ярость или боится взрыва шаровой молнии, всё еще висевшей перед его лицом, – и потому говорит тихо. Но в зале словно стало еще тише после только что прогремевших выстрелов.

– Я хочу, чтобы вы все убрались с моей – слышишь, С МОЕЙ! – земли и больше никогда сюда не возвращались. Я обещаю тебе и всем присутствующим, что не трону никого из вас, кто уходит ко мне спиной, но если он сделает даже случайную попытку повернуться лицом, то умрет. Стрелять в меня без толку. Потому свое оружие вы все медленно кладете перед собой, встаете и уходите. И не пытайтесь что-то делать у меня за спиной, – у меня там нет слепых зон. Я всё вижу и чувствую. Хотя, можете попытать счастья, – он слегка улыбнулся. И именно эта толи улыбка, толи усмешка словно подхлестнула сидевших поторопиться выполнить его требование. И бросить лежачих без помощи.

В зале остались только Лютый и Цыганский Барон. Не считая мертвых и бессознательных.

– Ты молод для такого титула, – сказал Лютый, опасливо и с явным интересом поглядывая на парящий перед ним переливающийся уже всеми цветами радуги шар.

– Я и мой народ так не думаем, – ответил парень. Некоторое время оба помолчали.

– Возьми меня в соратники, – снова заговорил Лютый и повернулся к нему лицом, словно забыв о шаровой молнии. – Я тебе пригожусь.

– Я подумаю. Нет, правда подумаю и дам тебе знать. Предать меня ты не сможешь, – да и не планируешь, потому что говоришь сейчас искренне. Я это вижу у тебя в мыслях. Поэтому я подумаю.

– А что делать с этими? – Лютый кивком головы показал на лежащих без сознания по сторонам от него двух соратников. – Я их один не утащу. Не станешь же ты их добивать? За отца.

Барон подошел к ним, медленно провел по очереди по их лицам своими ладонями, – и те стали приходить в себя, очумело оглядываясь по сторонам.

– Забирай их с собой. Трупы мои люди похоронят достойно. Не волнуйся. Уходите все, – и сел на один из стульев. – Уходите, пока я не передумал. Я не хочу больше крови на моей земле.

Шар над столом стал постепенно блекнуть, пока совсем не растворился в воздухе.

Пери

– Как прекрасен этот мир! Посмотри, – напевала маленькая девочка, сидя на лужайке. Вокруг нее порхали бабочки, быстро пролетали или зависали рядом длиннокрылые стрекозы, гудели жуки. Кошка, лениво растянувшись рядом, грелась на солнышке, а ее два котенка играли с ее хвостом. Что-то лениво мурлыкая, она пыталась успокоить разбушевавшихся детей, но ей было явно лень это делать, и она снова впадала в дремоту.

– Как бы я хотела понимать язык этих всех животных: бабочек, стрекоз, кошек и жуков, – девочка протянула к сидящей на цветке бабочке длинную травинку, но та взлетела и направилась к другому дальнему цветку. – Я бы сказала ей, чтобы она меня не боялась и села на руку. Я готова кормить ее пыльцой и нектаром. А они все улетают и улетают.

– С ними говорить словами не обязательно, – раздался голос за ее спиной.

Девочка повернулась от неожиданности всем телом. Перед ней стоял высокий мужчина в широкополой шляпе и темном сюртуке. Он держал за узду лошадь, которая тыкалась в его руку, в которой лежал кусок сахара.

– Вот видишь, я не разговариваю со своей лошастью, а она понимает всё, что я хочу ей сказать. И я ее понимаю.

– А она может поскакать до вон той бабочки и принести ее мне?

– Лошади не ловят бабочек. Они...

– А эта пусть поймает, – перебила девочка. А потом спохватилась. – Здасьте вам. А Вы кто?

– Я старый цыган. А что?

– А как тебя зовут? – было понятно, что внимание девочки переключилось полностью на новый предмет и о бабочках и жуках она на время забыла.

– Я Цыганский Барон. А ты кто? – барон понимал, что если не переключить внимание девочки на нее саму или на другой предмет, то она начнет бесконечно задавать вопросы о нем.

– Я просто девочка. Мама называет меня пушинка-балеринка. Или балеринка-пушинка, – по настроению. И говорит, что я легкая-легкая, как пушинка. А когда сердится, то зовет меня Пери.

– Наверно, мама знает, какая ты легкая... – задумался цыган, поглаживая небольшую бородку. – А что бы ты хотела, раз такая легкая, Пери?

– Я хотела бы понимать язык всех-всех-всех животных и разговаривать с ними. Я хотела бы летать и переноситься в разные-разные страны, чтобы увидеть сначала, как солнце заходит, потом снова восходит. И сразу же после восхода опять смотреть закат и опять рассвет. Но здесь на поле это очень долго – от рассвета до заката, и мама не позволит мне

столько гулять. А ждать в поле всю ночь рассвета тоже не даст.

– Странное желание. Ты на самом деле этого хочешь? – спросил ее цыган, присаживаясь рядом на траву.

– Да, я очень хочу этого. Очень-очень-очень.

Цыганский барон смотрел на девочку и задумчиво грыз длинную травинку. Эту привычку он приобрел давно, но проявлялась она только тогда, когда он думал о чем-то очень и очень серьезном. В настоящее время травинка всё укорачивалась и укорачивалась по мере того, как он думал.

– Ты что-то хочешь мне сказать, цыган? – и девочка протянула ему другую такую же длинную травинку.

Цыган расхохотался, выплюнул разжеванную и взял травинку из рук девчушки.

– Ладно, ты мне понравилась, – словно решившись начал быстро и весело говорить он. – Я помогу тебе с твоим желанием. Только ты должна мне пообещать кое-что.

– Что? – детские глазки весело и заинтересованно смотрели на него. – Что-то страшное?

– Нет, не страшное, – Цыганский Барон вынул из губ травинку, внимательно и очень серьезно посмотрел ей в глаза. – Я подарю тебе силу, чтобы летать. Я подарю тебе язык животных и птиц. Я научу тебя перемещаться далеко-далеко. Но ты пообещай мне, что когда я скажу тебе, ты обязательно вернешь мне эти дары или передашь их тому человеку, на которого я укажу.

– Но я не знаю никакого другого человека. Ты имеешь в виду моих маму и папу?

– Может быть и им. Но если придет время, то ты сама и добровольно отдашь эти дары. Или сама, или по моей просьбе.

– Хорошо, отдам. Обещаю. А теперь я буду понимать бабочек?

– И бабочек, и пчелок, и стрекоз, и даже жуков. Ты готова?

– Да, я готова. А что надо делать? – девочка на мгновение даже на мгновение зажмурилась от удовольствия.

– Закрой глазки на минутку, – и когда она закрыла глаза, сорвал одуванчик, поднес его почти к самому лицу и сильно дунул. Ну не мог же он читать длинные заклинания и этим напугать малышку. Потому приходилось на ходу изобретать новый ритуал. Сильная струя воздуха сорвала семечки с зонтиками, понесла и ударила их прямо в веснушчатое лицо.

– Ой! – тихонько вскрикнула Пери и тут же открыла глаза. – Что это было?

– А ты послушай, – улыбаясь ответил мужчина.

Девочка притихла и стала медленно оглядываться по сторонам. Сначала она посмотрела на лошадь, которая медленно и лениво жевала траву и смотрела на нее своими большими глазами.

– Он всё-таки сделал это! – уныло говорила она. – Ну разве же можно было ему так довериться такой маленькой девочке. Ведь неизвестно что из этого получится. И никто пока

не знает, что из нее вообще со временем вырастет. А сам теперь не сможет со мной беседовать по вечерам у костра, хотя я всё равно буду понимать то, что он захочет мне сказать...

Пери оглянулась на звук приближающегося жука, который пел ей какую-то песенку:

– Жу-жу-жу! Это я лечу и лечу! Я лечу куда хочу, и никто мне... – бум, ударившись в высокую травинку, он кубарем полетел вниз. Оттуда снова послышался его голос. – Классно врезался. Если бы не броня, то крылья точно срезало бы. Надо пока отдохнуть от падения и потом полечу дальше...

Трава тоже что-то шептала тихим шелестом: «Шу-шу-шу... Шу-шу-шу... Шу-шу-шу...»

– Что это? – девочка оглянулась снова, но цыган уже сидел на лошади и улыбался ей.

– Ничего страшного, Пери. Ты привыкнешь к тому, что голосов в этом мире значительно больше, чем ты слышала раньше. Но это нормально!

– А куда ты? – девочка потянулась ручками в его сторону.

– Не беспокойся, я вернусь. Не скоро, но вернусь. А ты пока начни осваивать мои дары, и время до нашей встречи пролетит незаметно, – и он поскакал прочь.

Девочка не стала ждать, когда он скроется из глаз, как это сделали бы взрослые люди, а оглянулась на ворчливый звук нового голоса.

– Ну, вот! Опять ждать вечера, чтобы поймать муху на ужин. Я бы еще раньше поужинала, но сейчас мухи куда-то

попрыгались.

Пери стала присматриваться и увидела сидящую в траве стрекозу. Та умывалась передними лапками и продолжала ворчать.

– Ой, она тоже говорит! – завопила маленькая прелестница на всё поле. – Мама! Мама! Мне стрекоза жалуется на мух! – и побежала куда-то в сторону дома.

Стрекоза смотрела в ее сторону, пока девочка не скрылась за высокой травой и подумала:

– Могла бы и попрощаться. Я уж не говорю о том, чтобы ранее поздороваться...

Шеврон

Таиланд. Бангкок. Кафе.

Что она ищет? Что она нашла? Двигаясь по наитию за какой-то химерой, она приехала в Бангкок, как ранее в Кабул. Поверив собственному подозрению, что указанные на записке цифры – это координаты, она нашла точное совпадение по навигатору. И потому вошла тогда в антикварную лавку. И что из этого получилось? Она практически мельком увидела что-то такое, что она даже не может объяснить, – и увидела еще один ряд цифр. Других цифр. Новое сочетание параллелей и меридианов. Следовать дальше? Но что это такое?

– Дама любит погорячее? Или Вам послаще и со льдом? – около столика склонился официант во фраке и белом переднике с участливым взглядом.

– Да, очень горячий кофе, черный с сахаром, пожалуйста, – ответила Она.

Когда кофе уже стоял перед ней, то она повторно заметила на себе взгляд официанта из глубины помещения. Он смотрел на нее как-то так, словно она не ответила на его вопрос, и он не знал своих последующих действий. Но Она оставила мысли о нём и погрузилась опять в размышления. Отдавая

должное ароматному напитку.

Она нашла медальон, который не стала выкупать, но и получить силой его не получилось. Ящик стола у антиквара с каким-то фокусом, – его содержимое с помощью какого-то механизма куда-то девается, точнее перепрятывается. Перевернуть вверх дном всю антикварную лавку? Не факт, что она найдет желаемое в неизвестном ей тайнике. Да и полиция не даст ей от души там похозяйничать. Или не полиция? Ведь наверняка у хозяина лавки, имеющего такой хитрый механизм, – как у циркового иллюзиониста, – есть потайные кнопки, которыми он может вызвать подмогу или из полиции, или из числа местных бандитов. Скорее последнее. Потому что показанный ею пистолет не произвел на хозяина устрашающего действия, а подтолкнул перепрятать шкатулку.

– Дама любит погорячее? Или Вам послаще и со льдом? – над ее пустой кофейной чашкой опять склонился прежний официант с прежним вопросом. – Или у Вас есть особые пожелания? Для нашего клиента мы готовы предоставить любые мыслимые и немыслимые изыски.

– Честно говоря, я очень хочу пить, – ответ, кажется, его опять не удовлетворил. – Принесите бутылку холодной воды без газа и целый лимон. Только разрежьте лимон на две половинки. И больше его не режьте. Да, еще высокий стакан,

чайную ложечку с длинной ручкой и, пожалуй...

Она даже сама не поняла, как официант сумел, не дослушав заказа, принести даже то, что она не успела произнести. Он быстро отошел от столика, и буквально через 30 секунд перед ней стояли огромная бутылка холодной воды в ведре со льдом для шампанского, высокий тонкостенный стакан с массивным доньшком, разрезанный лимон на блюдечке. Всё это сопровождалось красивым оформлением, большим количеством разномастных трубочек для коктейля, коллекция маленьких бутылочек с различными сиропами, и даже шикарный веер.

– Госпожа желает что-то ЕЩЁ? – спросил официант, делая в своём вопросе упор на последнее слово.

– Нет, пока больше ничего не надо, – ответ его опять не удовлетворил. Но он молча отошел вглубь помещения.

Ханна любила сама делать лимонад, потому выжала руками половинку лимона в стакан и долила почти до верху холодной воды, поболтала ложечкой. Сиропа пока игнорировала. Она сидела и наслаждалась этой, подаренной ей холодной водой, прохладой и продолжала размышлять.

На крышке шкатулки был ряд цифр, который врезался в ее память с первого взгляда. Этот ряд отличался от того, который привел ее в антикварную лавку. Уже тогда она поняла, что это совсем другие координаты. Именно тогда, когда до нее дошло, что ее вроде как уводят от медальона, она и по-

пыталась отбить шкатулку с помощью пистолета. Но не получилось...

Она была не готова психологически тогда, что по полученным ранее координатам ее может что-то ожидать. Размышляя теперь, – задним числом и достаточно трезво, – Ханна поняла, что у нее реально имелось в тот момент то, что просил продавец. Если бы у нее было время для того, чтобы она пришла в себя от неожиданного предложения, от мистичности происходящего и абсурдности ситуации, то она скорее всего ответила бы ему правильно. Но в этот раз она сплеховала.

– Госпожа или сеньора. Мы можем предложить Вам более спокойное и уединенное помещение, чем этот столик. Там есть кондиционер, прохлада, тень помещения, а не навеса, – ну вот что этот официант от меня хочет? Чего он так настойчиво добивается? Ведь я не выпила еще и трети бутылки с водой, не прикоснулась еще к вееру, чтобы можно было сказать, что мне жарко или не комфортно. – Вам не надо будет обращать внимание на оглядывающихся прохожих, думать о направлении ветра, на взгляды из окон напротив нашего заведения...

– Какие услуги Вы еще хотите мне предложить? – терпение Ханны начинало постепенно подходить к концу. – Если я что-то не так делаю или чем-то вам не угодна, то я уйду без сожаления.

– Ну что Вы, мадам, – (так, я уже мадам!) – Я нисколько не хочу мешать Вашему отдыху. Я только стремлюсь привнести в Ваш отдых больше комфорта. И предвосхитить Ваши возможные желания.

– Хорошо. Как я понимаю, в вашем заведении кофе и вода далеко не единственные удовольствия, которые я могу себе заказать?

– Конечно, красавица! – интересно, как еще он придумает меня назвать? – Давайте я накрою Вам столик в отдельном кабинете, где Вам будет значительно приятнее.

Очень уж много сил он прикладывает к тому, чтобы спрятать меня в отдельный кабинет. Даже любопытно! Ну, прямо-таки стелется передо мной. Что же там такое?

Буквально за долю минуты все мои приборы были перенесены и очень декоративно установлены на столике в отдельном кабинете. Да, на самом деле этот кабинет очень симпатичный. Глубокие кресла-диваны буквально вынуждали почти полулежать в них. Низкие столики им под стать и соразмерно положению тела. Приглушенный свет, прохлада от кондиционера и приятный цветочный аромат, конечно же, не шли ни в какое сравнение с тем, что человек испытывает за столиком в придорожном кафе. Стены задрапированы легкой тканью, чем-то подспудно дающей понять своей расцветкой, что я нахожусь всё-таки на Востоке. Совсем рядом с креслом, в которое меня усадили, стоит пузатый кальян, – только принести и вложить туда немного жаркого огня... На

столике появились цветы... Где-то под потолком звучала тихая спокойная музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.